

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ,

ИЗДАВАЕМЫЯ

Павломъ Свинынымъ,

7760

Любить Отечество велишь природа, Богъ;
А знать его — вошь честь, достоинство и долгъ!

ЧАСТЬ ДВАДЦАТЬ ОСЬМАЯ

(Съ видомъ города Рыбинска.)

САНКТИТЕРБУРГЪ.
Въ Типографіи А. Смирдина.

1 8 2 6.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ

№ 79. Ноябрь, 1826.

Киргизскій Плѣнникъ.

(Быль Оренбургской линіи.)

Верхнеуральскъ, составляя пограничную крѣпость, принадлежащую въ числу уѣздныхъ городовъ Оренбургской губерніи; онъ находится подъ $53^{\circ} 52' 40''$ сѣверной широты и подъ $76^{\circ} 47' 12''$ восточной долготы отъ перваго меридіана, чрезъ островъ Ферро проведеннаго. Немногія крѣпости, немногіе города могутъ похвалиться такимъ прекраснымъ мѣстоположеніемъ, какое имѣетъ Верхнеуральскъ, стоящій на лѣвомъ, крупомъ берегу быстраго Урала. Вокругъ него возвышающіяся горы, расположенныя въ видѣ неправильнаго амфитеатра. Съ одной стороны видѣнь величественный, безлѣсный Извозъ, съ глубокимъ ущельемъ, которое начинается отъ самой вершины и окан-

чивается близъ подошвы; съ дру-
 гой—синѣется угрюмая, дикая соп-
 ка, на коей лежатъ ужасные кам-
 ни; издали кажушіеся огромнымъ
 спроеніемъ; подлѣ нея зеленѣется
 Мохнатая гора, покрытая молодымъ
 березникомъ. Вдали чернѣетъ цѣль
 горъ Рифейскаго хребта. Между
 ними, въ большемъ опаденіи,
 въ ясное время, видна спрашная
 Ирамаль-тау, грозный исполинъ
 Каменнаго Пояса, покрытый вѣч-
 ными снѣгами и окруженный хо-
 лодными туманами и сизыми обла-
 ками! Быстрый Уралъ шумитъ,
 извивающъ въ тысячь излучи-
 нахъ и, при самомъ городѣ, при-
 нимаетъ въ себя прозрачную Ур-
 леду, съ которою вблизи сое-
 диняющъ свѣтлая струя тихой
 Узельги. На правомъ берегу Урала
 разлиты многія озера, которыя,
 при солнечномъ свѣтѣ, блестятъ
 какъ чистое серебро. Въ недале-
 номъ разстояніи отъ города про-

пекаетъ игривая рѣчка Ямская. Словомъ, быстрый взоръ на каждомъ шагу встрѣчаетъ предметы самые прелестныя, самые восхищительныя, самые романтическіе!... Благословляю, благословляю тебя, незабвенный Верхнеуральскъ! Ты занимаешь незавидное мѣсто на картѣ Азіатской Россіи; но самое первое — въ моей памяти, въ моемъ сердцѣ! Могу ли, могу ли я забыть время, проведенное въ тебѣ, плѣнительный городокъ? то безцѣнное время, въ которое меня окружала радость, въ которое меня лелѣло счастье! — Увы! почему минулы радости пролетаютъ быстро? почему счастье наше бываетъ непродолжительно? Но что такое радость? Мыльный пузырь! Что такое счастье? блестящая пыль на крылышкахъ бабочки! дунь — и мыльный пузырь лопнетъ! прикоснись ко крылышкамъ мотылька — и блестящая пыль ис-

чезнеть!... Разсмавшись съ тобою, незабвенный Верхнеуральскъ, я разспался съ игривою радостью, разспался съ легкокрылымъ счастьемъ! все, что было для меня мило, что было для меня драгоценно — оставалось въ тебѣ, незабвенный Верхнеуральскъ!... Увы! съ тѣхъ поръ я узналъ людей, неимѣющихъ ни сердца, ни чувствъ, такихъ людей, которые забыли права человечества и оправили жизнь мою ядомъ мучительной горести!... Но судьбы несповѣдимы! Можетъ быть, и мнѣ предположить счастливая будущность; можетъ быть и я таки узнаю радости, какъ Федоръ, о которомъ хочу рассказать моимъ читателямъ; слышавъ приключеніе его отъ одного почтеннѣйшаго старца, находившагося при заведеніи Оренбургской линіи: оно случилось вскорѣ по основаніи Верхнеуральска Сп. Совѣщ. Кириловымъ.

Федоръ, прекрасный молодой вахмистръ, сынъ бывшаго Биллярскаго драгунскаго полка Поручика, по приказанію начальства, вмѣстѣ съ 30 драгунами, состоялъ при насѣбѣ конскаго табуна, находившагося на внутренней сторонѣ линіи, въ 15 верстахъ отъ Верхнеуральска, при озерѣ Маломъ Богадакѣ. Въ одну темную ночь табунъ и находившіеся при ономъ драгуны были окружены разбойническою шайкою Киргизцевъ, состоявшею изъ 400 человекъ. Варвары сдѣлали сильный и стремительный напискъ; но неустрашимые драгуны встрѣтили ихъ храбро. Началась ужасная битва: засвистѣли пернатые стрѣлы; зазвучали булашныя копья; зажужжали свинцовыя пули; отъ острыхъ сабель и тяжелыхъ палашей посыпались искры — и горячая кровь обагрила холодную землю!.. Варвары бились, желая корысти; драгуны защища-

лись, исполняя священный долгъ службы. Сохранимъ опъ забвенія имена прехъ героевъ, въ особенно-сти опличившихся во время сей бивны: это были старые, заслуженные драгуны *Лобовъ*, *Волковъ* и *Абалдуевъ*, слыхавшіе свистъ Шведскихъ пуль и звуки Турецкихъ сабель. Сіи драгуны — истинные сыны Отечества, истинные герои — сражались какъ разъяренные львы, какъ люпые шипры; они изрубилъ многихъ злодѣевъ; а мужественный *Лобовъ* сильнымъ ударомъ пяталаго палаши перенесъ на - двое предводителя разбойнической шайки, Киргизскаго башыря Карагуша (*). . . Но что можемъ сдѣлать горсти храбрыхъ противу буйнаго многолюдства? — Драгуны, всѣ безъ изъятія, были побиты; одинъ только Федоръ, покрытый двѣнадцатью ранами и ослабѣвшій опъ большаго

(*) Башырь — воинъ, рыцарь, богатырь.

испеченія крови, взявъ въ плѣнъ. Варвары, осмошрѣвъ раны несчастнаго вахмистра, перевязали ихъ по своему, потомъ посадили его на лошадь, руки и ноги спянули арканами. Послѣ того злодѣи поѣхали къ берегамъ Урала, а нѣкошорые изъ нихъ погнали конскій табунъ. Во время пути, Киргизцы, гнавшіе лошадей, безпрестанно ударяли огнивами въ кремни, для того, чтобы разливавшіеся отъ оныхъ ударовъ искры освѣщали имъ дорогу. Злодѣи перегнали табунъ, и переправились черезъ Уральскіе горы, близъ Краснаго Яра. Что могло бытъ хуже положенія, въ какомъ находился несчастный Федоръ? Связанный, онъ не могъ пошевеливаться; а между тѣмъ раны причиняли ему жесточайшую боль. Путь разбойниковъ продолжался четверо сутокъ. Каждую ночь варвары, расположившись ночевать, покрывали связаннаго Федора войлокомъ и на

края онаго ложились сами, для того, чтобы молодой вахмистръ не могъ сдѣлать побѣга. На 5 день Киргизцы прибыли въ свой аулъ *), расположенный на небольшой рѣчкѣ, близъ бора, именуемаго Карагачъ. Федоръ доспался въ невольники спарому башырю Куплубаю, который принялся лечить нашего единоземца отъ полученныхъ имъ ранъ. Способъ леченія былъ самый простой, именно: Федора ежедневно обкладывали горячею овчиною, за минушу передъ шѣхъ съ барана сняною. Это простое леченіе было очень полезно для нашего вахмистра; онъ, по прошествіи пяти недѣль, совершенно выпользовался.

По выздоровленіи Федора, была призвана спарая колдунья, называемая Джа-Адугаръ, которая, по мнѣнію суевѣрныхъ Киргизцевъ, умѣла производить то, что каждый пави-

(*) Кочевье.

никъ, сдѣлавшій побѣгъ, во время онаго заблуждался и снова попадалъ въ неволю. Спаруха, вырвавъ нѣсколько волосъ изъ головы Федора и спросивъ его объ имени, посопавила бѣднаго невольника среди кибитки, на разчищенномъ и солью посыпанномъ мѣстѣ, на которомъ раскладывается огонь. После сего колдунья принялась дѣлать заговоры, велѣла Федору три раза опешупать назадъ, плевать на свои спупени, и каждый разъ выекакивать изъ кибитки, попомъ насыпала ему на языкъ нѣсколько золы, на кошорой онъ споялъ — и колдовство кончилось. После того Куплубай говорилъ Федору слѣдующее: „Слушай, невольникъ! ты долженъ мнѣ служить вѣрно; за это я буду кормить тебя, одѣвать и обувать; но ежели ты сдѣлаешь побѣгъ, то знай, что нигдѣ не можешь опъ меня укрыться — ни на землѣ, ни въ водѣ, ни въ

воздухъ: я тебя поймаю — и тогда, кромѣ жеспотайшаго наказанія, подрѣжу тебѣ кожу на подошвахъ, насыплю шуда мелко изрубленныхъ конскихъ волосъ, и сдѣлаю то, что ты будешь мучиться и раскаяваться цѣлую жизнь!“ Такія жестокія угрозы у варваровъ Киргизцевъ, къ несчастію бѣдныхъ невольниковъ, исполняющся на самомъ дѣлѣ.

Батырь Кушлубай имѣлъ прехъ сыновей Акъ - Кусюка, Ишберду, Юламана и дочь Баяну. Сыновья Кушлубая были смѣлые батыри, или лучше сказать, славные воры и разбойники, ошъ которыхъ много перцѣла Оренбургская линія; но Баяна ни сколько не походила на своихъ братьевъ: она была прелестная 16-ти - лѣтняя дѣвушка — скромная, невинная, добродушная и очень, очень милая!

Соображаясь съ обыкновениемъ земляковъ своихъ, варваръ Кушлубай обрилъ молодому невольнику

голову и одѣлъ его въ Киргизское плащье. Житіе Федора было бы довольно сносно, если бы Киргизцы кормили его до сыта; но злодѣи каждадневно давали невольнику своему однѣ только кости и небольшую чашку молока, или расплавленного сала. Желудокъ молодого вахмистра, привыкшій къ Русскимъ щамъ, круглымъ пирогамъ, блинамъ и аядьямъ, долго не могъ принимать Киргизской умеренной пищи, а особливо расплавленного сала; но нужда всему научить! Занятіе Федора состояло въ томъ, что онъ, закованный въ тяжелыя желѣза, долженъ былъ каждадневно пасти Киргизскихъ барановъ. Какъ часто несчастный молодой человѣкъ, изнуренный голодомъ и ослабѣвшій отъ полудневнаго зноя, повергался на землю! какъ часто, въ глубокой горести, онъ вспоминалъ священные берега Урала, вспоминалъ отца, мать, братьевъ и сес-

перы! какъ часто умолялъ Всевышняго о дарованіи ему [олошой свободы! какъ часто, приведенный въ отчаяніе, призывалъ смерть, что-бы она прекратила его мученія!

Время шло; цѣлый годъ прошелъ уже съ того дня, какъ несчастный Федоръ попалъ въ неволю: — горестный, мучительный годъ! — онъ [показался нашему вахмистру цѣлымъ вѣкомъ. Шелковая права, покрывающая Киргизъ - Кайсацкія степи, зеленѣлась; цвѣтцы разливали приятный запахъ, жаворонокъ рѣзвился въ воздухѣ, пререпешалъ и громкимъ пѣніемъ изъдвлялъ свою радость; все веселилось, все восхищалось прелестями живительной весны: одинъ только Федоръ крушился, одинъ только Федоръ проливалъ горькія слезы!..

Однажды несчастный невольникъ, утомленный дневными трудами, лежалъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ кибишки своего хозяина, смол-

рѣлъ на голубое небо, усыянное звѣздами, и мечпалъ о свободѣ. Приближалась полночь; но благодѣшительный сонъ бѣжалъ отъ глазъ несчастливца... Наконецъ природа вступила въ права свои—и Федоръ началъ дремать... Вдругъ раздался тихій, пріятный голосъ... Молодой вахмистръ раскрылъ глаза — и кого же увидѣлъ передъ собою? Прелестную Киргизскую дѣвушку, дочь Кушлубая. „Встань, встань, бѣдный невольникъ!“ — такъ начала говорить Баяна: „встань и утоли свою жажду.“ Федоръ, удивленный неожиданнымъ приходомъ дѣвушки, приподнялся, но не зналъ, что говорить, хотя хорошо уже научился Киргизскому языку. „Я тебѣ принесла кумызу—продолжала Баяна: пей его, милый невольникъ!“ Федоръ принялъ чашу; дѣвушка сѣла подлѣ него. „Мнѣ жаль тебя, милый невольникъ — говорила она: „жаль, очень жаль! Тебя мало кор-

мятъ, а потому я и принесла кумызу, который утолитъ твой голодъ, утолитъ твою жажду... Даю тебѣ вѣрное слово: каждую ночь, если будетъ возможность, я стану приносить тебѣ кумызъ и мясо; только ты долженъ быть молчаливъ, чтобы никто не свѣдалъ объ этомъ. Знаешь ли, милый невольникъ, я тебя люблю, очень люблю и современемъ, быть можетъ, постараюсь возвратить тебѣ свободу." Федоръ, со слезами на глазахъ, благодарилъ прекрасную Баяну за ея добродушіе, за ея обѣщаніе, и увѣрялъ, что онъ благодарній милой дѣвушки не забудетъ до самой смерти.

Киргизская дѣвушка успола въ своемъ словѣ: она каждую, или почти каждую ночь приносила мясо и кумызъ, предлагала ихъ молодому невольнику; садилась возлѣ него; говорила ему о любви своей и о томъ, что она чувствуетъ большое удо-

вольспвіе, когда видитъ и слышаеиъ его. Федоръ не могъ бытъ равнодушнымъ къ прелестямъ молодой дѣвушки: онъ волюбилъ ее — и полюбилъ нѣжно, спраспно, пламенно!

О, первѣйшее благо жизни нашей, союзъ двухъ сердець, всесильная любовь! Ты, какъ дивная чародѣйка, творишь чудеса: истребляешь наши горести, уменьшаешь несчастія, прогоняешь тяжкую скуку; ты разсыпаешь вокругъ насъ радости, умножаешь наше счастье, разливаешь веселіе, ты усыпаешь путь нашъ благовонными розами, ты услаждаешь горестную неволю и облегчаешь тяжесть оковъ! Федоръ, узнавъ силу любви, нашелъ въ ней опраду и утѣшеніе въ своемъ несчастіи.

Въ одно время Куплубай, сыновья его и прочіе Киргизцы были приглашены въ сосѣдственный аулъ на поминки, осправляемые по од-

*

номъ умершемъ богачѣ. Въ аулѣ Куплубая оспались однѣ только женщины и дѣши. По наступленіи ночи, прекрасная Баяна явилась къ Оедору, и говорила ему: „Радуйся, милый другъ! ты можешь теперь получишь свободу; не теряй времени: вотъ тебѣ острая пила; скорѣ распили свои оковы; лошади и съѣстные припасы уже готовы; мы можемъ теперь же ѣхать... Въдѣ ты не оставишь меня здѣсь?“ Могу ли, могу ли я тебя оставить, прекрасная Баяна! вскричалъ Оедоръ, принимаясь пилить желѣза: ты моя спасительница, ты мой Ангелъ! Я скорѣ соглашусь умереть въ неволѣ, нежели уѣхать безъ тебя, несравненная дѣвушка!

Любовники, не теряя времени, сѣли на лошадей, хорошо осѣдланныхъ и обвѣшенныхъ съѣстными припасами, и благополучно отправились въ путь. Они ѣхали только по ночамъ, а во время дней укры-

вались въ оврагахъ и кустарникахъ.

По наспусленіи утра, семейство Куплубая хватилось Баяны и невольника; но, не нашедъ ихъ, догадалось, что они бѣжали. Свѣдѣніе о семъ дошло до Куплубая не прежде, какъ на другой уже день. Разъяренный Киргизецъ, — произнося ругательства своей дочери и клянясь Магомешомъ, что онъ изрубитъ ее въ мелкіе куски, если догонитъ, — отправился, вмѣстѣ съ сыновьями своими, въ слѣдъ за бѣжавшими; но, къ счастью, Федоръ и Баяна были уже далеко; а потому и преслѣдованіе не могло имѣть никакого успѣха.

На седьмой день послѣ своего побѣга, юные любовники прибыли благополучно въ Верхнеуральскъ. Могутъ ли, долженъ ли я описывать свиданіе Федора съ отцемъ, матерью, братьями и сестрами? Нѣтъ! предославляю воображенію чипапелей составить картину, могущую рас-

прогашь сердца самого нечувствительнаго человека.

Киргизская дѣвушка приняла Христіанскую Вѣру; при святомъ крещеніи она была наречена Ольгою — и сдѣлалась супругою счастливаго Федора. Прелестная Ольга очень скоро выучилась говорить по-Русски, привыкла къ нашимъ обычаямъ, къ нашему образу жизни и была доброю женой, доброю хозяйкой и доброю матерью своихъ дѣтей — плодомъ супружеской любви.

Конецъ невымышленной повѣсти и конецъ испытанію терпѣнія моихъ читателей!

Петръ Кудряшевъ.

С Ъ В Е Р Н Ы Е

Ц В Ъ Т Ы

Н А 1850 Г О Д Ъ .

С А Н К Т П Е Т Е Р Б У Р Г Ъ .

В Ъ Т И П О Г Р А Ф И И Д Е П А Р Т . Н А Р О Д Н . П Р О С В Ъ Щ .

1829.

КИРГИЗСКІЙ НАБѢГЪ.

(Друзьямъ моимъ.)

Вы конечно знаете, въ географическомъ отношеніи, тотъ участокъ земли, который, находясь между рѣками Ураломъ и Печоромъ, и будучи огражденъ оныя Киргизскихъ степей рядомъ форпосетовъ Ново-илецкой линіи, составляетъ особенный округъ мѣстечка (*), давно извѣстнаго по своимъ собогопнямъ. Если жъ не

(*) Илецкой заставы.

знаете, то прошу васъ взглянуть на подробную карту Россіи. Чрезъ эшонтъ самый учаспокъ (или какъ вамъ угодно его назвашь), въ 18... году пролагалъ я, разумѣется по приказанію начальства, дорогу для обозовъ съ илецкою солью; и во время исполненія сего дѣла, со мною случилось приключеніе особаго рода, приключеніе, доспойное заняшь нѣсколько спрофъ въ какой-нибудь *Байроно-романтической* поэмъ: ибо въ немъ новостъ положеній была соединена съ неожиданностію и ужасомъ. Какъ жаль, что я не умѣю писашь поэмъ! Покрайней мѣрѣ я расскажу вамъ мое поэпическое приключеніе просто, какъ прозаическій анекдотъ; и если вы удоспоише меня такимъ же вниманіемъ, какимъ пользуетесь разскашки городскихъ новостей и другихъ невинныхъ жишей-

скихъ вздоровъ, шо я буду доволенъ шѣмъ, какъ нельзя болѣе. И шакъ, прошу слушашъ.... Но прежде считаю нужнымъ сказашь нѣсколько словъ о Ново-илецкой линіи и сосѣдяхъ ея Киргизцахъ.

Сія линія съ начала весны до конца осени содержишся въ грозномъ военномъ видѣ: форпосшы бывають вооружены пушками, небольшими ошрядами регулярной пѣхошы, Козаковъ, Тепшарей, Мещеряковъ и Башкирцевъ; денно и ношно разѣзжають по ней дозоры — и ошъ одного *пикета* до другаго ловкій Башкирець можешь докинуть сшрѣлу. Случишся ли ночная шревога: вдругъ вспыхивають маяки (ш. е. огромные шесшы, обверченныя соломою и сшоящіе, подобно великанамъ, при каждомъ пикетѣ); шолпы Козаковъ, Мещеряковъ, Башкирцевъ высыпають

изъ укрѣпленій, и съ топотомъ ихъ коней сливаеися гулъ въстовой пушки, находящейся въ Илецкой защитѣ, на вершинѣ *Намаза* (*) или караульной горы. Но и при такихъ мѣрахъ предосторожности, киргизскимъ разбойникамъ удается иногда, обманувъ кордонную стражу, пробираться на нашу сторону, похищать рускій скотъ, пожигать сѣно, топтать поля, увлекать въ неволю оплошныхъ поселянъ или бѣдныхъ путешественниковъ, не разбирая ни званія, ни пола, ни возраста. Случается даже, что Киргизцы, собравшись большою толпою, имѣють дерзость нападать на самые форпосты, выдерживая сыныи съ нами.

(*) *Намаздъ*, киргизское слово, значить *святый*. Такъ называется гипсовый холмъ при Илецкой защитѣ, на коемъ Киргизцы въ старину совершали торжественныя молитвы.

ми отрядами и срывать пикеты въ уединенныхъ мѣстахъ. Впрочемъ, никогда почти военныя проказы сихъ номадовъ не остаются безъ наказанія. Козаки, а особливо Плецкой защины, будучи лучше вооружены, смѣле и рѣшительнѣе своихъ непріятелей, умѣютъ угадывать ихъ намѣренія, находятъ Киргизцевъ *тутьемъ* по сѣдамъ, открываютъ тайки ихъ въ чащѣ камышей, въ глубинѣ овраговъ, нападаютъ враслохъ — и смертельными ударами отбываютъ ихъ отъ нагубной спраски къ набѣгамъ. Ксепаша о защинскихъ Козакахъ. Киргизцы боялися ихъ болѣе суровой зимы, сконскаго падежа и *улькунъ-мултыкъ* или большаго ружья, ш. е. пушки. Нѣкоторые изъ нашихъ дивизійныхъ героев (*) приобрѣли въ

(*) Напр. покойный Яковъ Бѣлковъ, о которомъ

степеняхъ и между своими какую-то знаменитость, похожую на славу, такъ что дѣла ихъ воспѣваются Русскими въ народныхъ историческихъ пѣсняхъ, а имена наводятъ паническій страхъ на Ордынцевъ, присоединяющихъ къ нимъ, въ знакъ невольнаго уваженія, почешное названіе *батыря*, ш. е. богатыря.

Напрасно донынѣ Правительство старалось и старается положить конецъ безпреспаннымъ разбоямъ и дракамъ на Ново-илецкой, и вообще на Оренбургской линіи. Всѣ его предпріянія по сему предмету послужили только къ подтвержденію истины, что доколѣ Киргизцы будутъ Киргизцами — народомъ кочующимъ, необразованнымъ и огражденнымъ отъ

сложено нѣсколько пѣсень и кошораго Киргизцы называютъ *Якубъ-батыръ*.

всякой власи непроходимостію степей, до шѣхъ поръ грабительство, извѣстное у нихъ подъ названіемъ *баранты*, будешь уважаемо ими, какъ народный обычай: ибо нравы непро-свѣщенныхъ народовъ не измѣняющіяся и вѣками. Слѣдственно Киргизцевъ надобно по возможности просвѣ-пить. — Правительство, какъ вамъ извѣстно, приспущило уже къ испол-ненію сего благодѣтельного средства; но эшо не ошносишся къ моему анек-доту.

Я сказалъ, что Новоилецкая линія содержишся въ военномъ видѣ только съ начала весны до конца осени. Зи-мою каршина перемѣняешся. Глубо-кій снѣгъ, прескучіе морозы, ужас-ные мятели, называемые шамъ *бура-нами*: все эшо принуждаешъ киргиз-скихъ *батырей* сидѣть смирно въ ихъ войлочныхъ шапрахъ или кибиткахъ.

Самые беспокойные из них опко-
чевываютъ, вѣсятъ съ дикими инди-
цами, къ шельмамъ берегамъ Араль-
скаго моря, къ предѣламъ Бухаріи и
Хивы; а иѣ, кошорые помирите,
облегаютъ дружелюбными аулами рус-
скую границу, мѣняютъ свой скотъ
на хлѣбъ линійныхъ жителей и на
принятыя въ кочевомъ киргизскомъ
быту произведенія нашихъ мануфак-
туръ, вѣзятъ къ намъ въ гости и
сами принимаютъ гостей; однимъ
словомъ, живутъ съ нами, какъ доб-
рые пришельцы, до самой весны. При
такомъ положеніи дѣлъ, военная
спрогосень на линіи снановится не
нужною. Въ началѣ Ноября, часто и
ранѣе, линійные гарнизоны идутъ
на зимнія кварширы, Башкирцы и
Мещеряки длинными толпами от-
правляются въ свои кантоны; линія
пустѣетъ; сильные бураны увива-

юлся вокруг покинутых маяков , а въ форпосныхъ землянкахъ оснащен- ся только небольшое число обыва- телей и сторожей (*).

Мнѣ должно было исполнить пору- ченіе , о которомъ сказала я выше , въ половинѣ Маія. Ново-илецкая ли- нія не была еще тогда занята вой- сками , а цвѣтущая весна благопріят- ствовала уже набѣгамъ неутомимыхъ Ордынцевъ. Впрочемъ , имѣя въ кон- воѣ семь хорошо-вооруженныхъ Ко- заковъ Защитинской сотни , я съ браномъ моимъ , унтеръ-Шихпмей- снеромъ (**), съ унтеръ-офицеромъ Мошпинымъ (не безъ намѣренія ска- зываю его имя) и восемью вооружен-

(*) Войска , охраняющія линію въ продолженіе лѣта , обыкновенно называются *лѣтнею кордон- ною стражею*.

(**) Авторъ служилъ тогда въ горной службѣ.

ными работниками, — благополучно и безъ всякихъ замѣчательныхъ приключеній, снялъ ситуацію малоизвѣстныхъ пущъ, чрезъ копоры пролагалась дорога. Оспавалось только выславить по ней знаки или *вѣхи*, для указанія прямого пути въ сихъ непримѣнныхъ мѣстахъ.

Въ полдень, 20 Маія, мы находились посреди необозримой равнины, какъ плавали посреди Океана. Съдой ковыль, подобно шонкой пелень, мялся подъ нашими ногами, спруился вокругъ насъ и сливался вдали съ краями синяго неба. Лишь изрѣдка утомленные взоры спѣшили опдыхать на коврахъ муравы и цвѣшовъ, покрывающихъ длинныя впадины, копоры можно называть *Оазисами* сей равнины. Вправо открывались иногда дымоподобные холмы Общаго Сырта и лѣса Уральскаго берега.

Какъ жаль, что какой-нибудь ученикъ Орловскаго не подсмотрѣлъ шествія нашего маленькаго каравана (*) ! Эша карпина, по моему мнѣнію, стоила бы масперскаго карандаша его. Я постараюсь описать ее, какъ умѣю. Нѣсколько ловкихъ Козаковъ, безпрестанно заѣзжая впередъ, вели, посредствомъ длинныхъ своихъ дрошиковъ, прямую линію, а вслѣдъ за ними рабочники вколачивали въ землю колья, съ навязанными на верху пучками бѣлаго ковыля, — зыбкими, какъ перья спаринныхъ рыцарскихъ шлемовъ. По обѣ споронны линіи шянулось нѣсколько возовъ

(*) Я называлъ мою команду караваномъ, во первыхъ потому, что она съ виду въ самомъ дѣлѣ походила на караванъ, хотя въ ней и не было ни товаровъ, ни верблюдовъ; во вторыхъ потому, что не нахожу приличнѣйшаго ей названія.

съ колыями; и наконецъ, шествіе заключалось длинными *карандасами* — стешнымъ экипажемъ, весьма похожимъ на похоронныя дроги. На нихъ сидѣлъ поручикъ К... (который поѣхалъ со мною изъ кр. Разсыпной, въ качествѣ смотрителя солевозной дороги), полубольной, высокій, сушощавый, какъ *рыцарь пегальнаго образа*, въ одномъ камзолѣ, съ калмыцкою трубкою въ зубахъ, съ шапкарскимъ кознакомъ на головѣ. Чпо касается до меня, то покорный слуга вашъ, землякъ дикихъ Ордынцевъ, привыкшій съ дѣтскихъ лѣтъ къ ихъ кочевой жизни, — ѣхалъ верхомъ, сидя на широкомъ и мягкомъ киргизскомъ сѣдлѣ такъ же спокойно, какъ въ вольперовскихъ креслахъ. Рядомъ со мною ѣхали два Козака, сохранившіе въ памяти неизтощимый запасъ любопытныхъ преданій, ко-

порыя въ совокупности составили бы самую подробную исторію ихъ родины; бывавшіе въ молодецкихъ походахъ далеко за *Сыр-дарьей* и неуспевавшіе въ искусствѣ защищаться и нападать ни одному изъ степныхъ Каратаевъ и Джалимановъ (*). Тупъ же ѣхалъ и веселый, беззаботный Мошнинъ. Съ благодарностію долженъ я сказать, что мыское ружье его часно доставляло намъ вкусный обѣдъ въ нашемъ безкварирномъ походѣ. Нарядъ Мошнина соснавлялъ большую противоположность съ одеждою Козаковъ. При высокомъ ростѣ и крѣпкомъ сложеніи, при загорѣлыхъ лицахъ, украшенныхъ густыми усами,

(*) Современные *батыры*, славные въ степи, — первый, какъ бывший претендентъ Ханскаго достоинства, второй, какъ неукротимый разбойникъ.

они были одѣшны въ преширокіе каф-
таны и шаровары, имѣли на головѣ
мохнашья шапки, за плечами длин-
ныя уродливыя ружья съ *ражками*, а
вмѣсто пояса шолсшый ремень, съ
привѣшенными къ нему пороховымъ
рогомъ, киргизскою *калтаю* (*), но-
жемъ и другими снарядами. Напоми-
ная одеждою, вооруженіемъ и ухваш-
ками сподвижниковъ Спеньки Разина,
Козаки мои могли бы до смерти пе-
репугать собою какого-нибудь эѳир-
наго пешиметра или робкую, нѣж-
ную даму. Напрошивъ шого Мошнинъ,
въ кожаномъ карпузѣ, въ изношен-
номъ мундирѣ съ обрѣзанными фал-
дами, въ холстинныхъ панталонахъ,

(*) *Калта*, такъ называется кожаная сумка, ко-
порая служишь Киргизцамъ вмѣсто лядунки и
нашки.

въ шерстяныхъ чулкахъ и *поршняхъ* (*) или русскихъ сандаліяхъ, споль же легкихъ, какъ башмаки французскаго придворнаго кавалера, — Мошнинъ, невысокій и плосный, съ корошкимъ ружьемъ своимъ, почно шакъ же походилъ на степнаго богатыря, какъ жокей нынѣшняго лорда на шурецкаго пашу или на желѣзнаго воина крестовыхъ походовъ.

Шупя съ товарищами и наблюдая за дѣйствиємъ нашихъ геодезисовъ, я вовсе не думалъ о бродящихъ киргизскихъ разбойникахъ, хоша зналъ, что въ настоящее время года спрашѣвавшъ шамъ, гдѣ мы находились, не совсѣмъ безопасно. Правда, видя

(*) *Поршни* — два лоскута сыромятной кожи, спянутые ремнями и шакимъ образомъ составляющіе родъ сандалій. Ихъ носилъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ крестьяне.

иногда задумчиваго Козака, обводящаго вокругъ внимательные взоры, я начиналъ чувствовать тайное безпокойство и присматрѣлъсь смолить въ нѣмную даль; но шипица земли и неба скоро возвращала мнѣ прежнюю беззаботность. Что касается до монхъ воиновъ, то они говорили о Киргизцахъ не иначе, какъ съ величайшимъ презрѣнiемъ. Напримѣръ, замѣнивъ однажды вдали неподвижную точку, я спросилъ одного изъ монхъ Козаковъ, не можешь ли онъ разсмолить, что тамъ чертѣется? — « Кусень, или беркутъ (*), » отвѣчалъ онъ сухо. — То-то; смолри, не Киргизецъ ли? — « Ну, шакъ что жъ, » — « хонъ и Киргизецъ. » — Какъ бы они не напали на насъ врасплохъ? — « Пускай попробуютъ! » — сказала пре-

(*) Степной орелъ.

хладнокровно Козакъ. Тѣмъ и разговоръ кончился.

Такимъ образомъ доспигли мы вершины рѣчки Николки, гдѣ заранѣе предположено было порядочно отдохнуть, пообѣдать и накормить лошадей. Мѣстныя, исправляя должностъ квартирмейстера, прѣхали сюда прежде насъ и успѣвъ заспѣлнть нѣсколько упокъ для нашего обѣда. Мѣсто, на которомъ посѣавили мы свой наборъ, лежнть гораздо ниже окрестной равнины, возвышающейя вокругъ него (какъ ошлогіе края чайнаго блюдичка вокругъ дна) едва примѣнною покатоснію. Это небольшой острый мысъ, образуемый озерцомъ, или лучше сказанъ, глубокою, похожею на проваль ямою и крупнымъ оврагомъ, въ нее впадающимъ. Вода въ ямѣ, къ счасію нашему, была холодна и чиста, а берега ея усни-

лались коврами свѣжей, прекраснѣйшей муравы. Все это было для насъ нѣмъ пріятнѣе, что утомленные тѣлою и зноемъ, мы чувствовали въ одно время и жажду и голодъ и большую нужду въ отдохновеніи. Я былъ веселъ, я былъ ночью счастливъ. Кому, подобно мнѣ, случалось спрассновать по снѣгамъ, тотъ конечно не спросишь: онъ чего всѣ номады такъ сильно привязаны къ своей дикой, кочующей жизни. Повѣрите ли, что сія незавидная и повидимому даже бѣдственная жизнь, имѣетъ свои радости, свои наслажденія, вовсе неизвѣстныя слабымъ, изнѣженнымъ обитателямъ городовъ и столицъ? Одно уже описаніе свѣтскихъ пріятностей, одна совершенная свобода поспушковъ и склонностей дѣлаетъ жизнь сію драгоценною для души гордой, свободной и мечтательной. Мо-

жеть быть не всё согласится въ
 зномъ со мною; но я признаюсь
 вамъ, что часто, среди блестящихъ
 увеселеній столицы, среди всевоз-
 можныхъ изобрѣшеній ума и роскоши,
 другъ вашъ уносился мечтами въ за-
 уральскія степи, къ тому прекрас-
 ному времени, когда, новый Донъ-
 Кихотъ, безнечю и весело искалъ
 онъ приключеній въ сихъ уединенныхъ
 и молчаливыхъ пустыняхъ.

Въ нѣсколько минутъ лошади наши
 были выпряжены, разсѣдланы, спре-
 жены и пущены на свѣжую мураву.
 Бѣдный огонекъ зажегся подъ чу-
 гуннымъ козломъ, повѣшеннымъ, какъ
 водился, на деревянномъ шренож-
 никѣ, и каждый изъ пушниковъ сѣ-
 шилъ воспользоваться временемъ роз-
 дыха, чтобы удовлетворить свои
 желанія или прихоти. Одинъ, на-
 примѣръ, закидывалъ въ озеро поход-

ный верши; другой вынаскивалъ изъ
 дорожной сумы гошовый запасъ; пре-
 ній усиривалъ изъ войлока родъ
 иаапки, чибобы зацципнть себя и
 шоварицей онъ налицаго зноя. Сщен-
 ной навъ *метр-д'отель* или попро-
 есту кашеваръ, усердно ципалъ ушокъ,
 заспръленныхъ Мошннннмъ; поручикъ
 еще разъ закуривалъ каамыцкую свою
 трубку; бранъ мой игралъ козачьимъ
 дрошникомъ; я, сндя на *карандасахъ*,
 снпноу къ оврагу, вынулъ изъ кар-
 мана табакерку и оперылъ ее....
 Вдругъ пронзительный крикъ, пока-
 завшнйся мнѣ журавлиннымъ, поразилъ
 слухъ мой — и прежде нежелн я уснблъ
 спроснть о причинѣ сей печалнсно-
 сннн, смященные мои шоварицы за-
 кричали: « Кнргнзцы! Кнргнзцы! »
 Я оглянудся назадъ: девншь натъзди-
 ковъ, на лошадахъ, черныхъ, какъ
 вороново крыло, въ оснроконечныхъ

бѣлыхъ козакахъ, въ легкой, свободной одеждѣ — неслись на насъ съ бышропою буйнаго вихря, неслись, издавая ужасные вопли и грозно похрипывая своими длинными, зыбкими виками! Впрочемъ, размахивая ихъ было некогда. Всѣ мы, какъ въ предсавишь себѣ можешь, вскочили, засуетились, схватили ружья — и нѣсколькими, наудачу пущенными выстрѣлами, встрѣтили незваныхъ гостей. Къ счастью, глубокий оврагъ, примѣченный Киргизцами тогда уже, когда они подекалили къ его берегу, отвратилъ отъ насъ ужасъ внезапнаго нападенія. Увидѣвъ свою ошибку, Ордынцы круто поворотили въ сторону и съѣхали оный объѣхать, съ намѣреніемъ завладѣть всеми нашими лошадьми, бродившими, благодаря безпечности Козаковъ, довольно далеко отъ шатора. Наши также бро-

сплелся къ лошадямъ, и вырвали ихъ почти изъ рукъ разбойниковъ. Имъ не удалось даже похитить козачьяго дрошника, воткнушаго въ землю на шомъ мѣстѣ, гдѣ должно было послѣдовать астролѣбію для назначенія новой линіи. Послѣ такой неудачи, Ордынцы пустились онѣ насъ въ ту сторону, откуда сдѣлали нападеніе; а наши, сопровождая ихъ крикомъ, бранью и проклятіями, сѣвши осѣдланъ лошадей и говорили въ одинъ голосъ, что должно гнаться за Киргизцами.

Сначала я былъ пораженъ нечаянною сего приключенія, какъ дикій Американецъ первымъ выстрѣломъ пушки; но видѣвъ и малочисленность нападавшихъ и посмѣдное бѣгство ихъ съ мѣста сраженія, ободрился и старался доказать своимъ спутникамъ, сколь бесполезно и лег-

комысленно ихъ намѣреніе догонять
 легучую киргизскую шайку, ко-
 рая, на прекрасныхъ коняхъ своихъ,
 далеко оснавила бы насъ за собою,
 какъ соколъ оснавляется иногда за-
 дорное снато воронъ. — Но поручикъ
 (видь спычки и ружейные выстрѣлы
 въ одну секунду возвращали ему и
 юношескій жаръ и опроменившую
 храбрость), но Мошнинъ, вышедшій
 изъ себя онъ ярости, но Козаки,
 жадные къ корысти и бою, не хо-
 тѣли и слушать моихъ предсавле-
 ній. Только нѣкоторые изъ работ-
 никовъ, спрятавшіеся подъ возы при
 первой тревогѣ, и два Козака изъ
 Ташаръ, прелетавшіе и поблѣднѣв-
 шіе снъ ужаса, близкими взорами
 изъясляли свое согласіе со мною.
 Дѣлать было нечего! Опасаясь про-
 слышь шрусомъ между шоварицами,
 я взялъ у одного изъ миролюбивыхъ

воиновъ карабинъ и сумку съ папиронами, повѣсиль ихъ себѣ на плеча и сѣлъ на лошадь, чинобы лешѣтъ, какъ говорится, навѣрѣчу славы и смерти. Въ это время мы замѣтили, что Ордынцы, отбѣхавъ отъ насъ съ версту или болѣе, дають кому-то сигналъ, кружась на лошадяхъ по азіатскому обыкновению. Недоумѣніе наше при семъ явленіи было непродолжительно: густая толпа, какъ птица, показалась на краю горизонта — и все мои воины соскочили съ коней безъ команды! Я, не теряя на сей разъ присутствія духа, взобрался на вершинѣу воза съ кольями, для наблюдений... и вопль, эмошрю вправо — валять другая толпа, гуще первой; прямо пропивъ насъ — показывается третья...

Признаюсь, что при семъ зрѣлищѣ сердце мое екалось, какъ высу-

шенная губка, и вдруг казалось кровью, какъ губка, брошенная въ воду. Всѣ понятія объ ужасахъ киргизскаго плѣна, всѣ повѣствованія объ изнѣзаніяхъ плѣнниковъ, слышанныя и читанныя мною въ продолженіе жизни, слились въ одну мысль — и эта мысль съ неизъяснимою быстрой проникала все мое существо! Надобно знать, что живучи въ Оренбургскомъ краю, должно поневоль безпрестанно слушать ужасныя повѣствованія о жестоко-смертныхъ Киргизцевъ и о бѣдственной участи ихъ плѣнниковъ (какъ здѣсь, напримѣръ, слушаемъ мы иногда скучные разговоры о модахъ, журнальных перебранкахъ, полициѣ и погодѣ); а потому каждый, пускающійся въ путь по линіи — не говорю уже о сменахъ — бываетъ заранѣе сильно напуганъ предполагаемыми

опасностями и ужасается при одной мысли о появленіи хищниковъ. Такъ и мы слишкомъ были извѣстны разбойническіе ихъ подвиги, чтобы чувствовать весь ужасъ нашего положенія. Къ тому же часто слыхали, что по зѣрскому обыкновенію Киргизцевъ, непріятель, упорный въ сопротивленіи и взятый съ оружіемъ въ рукахъ, не долженъ ожидать нислѣйшей пощады. Сии варвары обыкновенно извлекають изъ него жизнь медленными муками: онѣскають членъ за членомъ, моряють голодомъ и жаждою, жгутъ на огнѣ, сдирають кожу съ живаго.... Я окинулъ глазами наше мѣстоположеніе: глубокій оврагъ, обрывистые берега — какія превосходныя средства защиты! — Пусть они нападаютъ! Будемъ обороняться до послѣдней крайности, сирѣчь до послѣдняго

заряда, спустимся въ оврагъ — бросимся въ воду, если враги сдѣлають ударъ рѣшительный, — умремъ, но не опдадимся въ плѣнь!...

Мнѣ первому издумалось тогда устройство изъ нашихъ возовъ родъ цитадели, которая могла бы намъ служить оградой со стороны, открытой нападенію Ордынцевъ. Козаки поняли эту мысль и усердно помогали мнѣ сдвигать тяжелыя телеги и *карандасы*. Двумъ оробѣвшимъ Ташарамъ приказано было держать остланыхъ лошадей, чтобы онѣ не разбѣжались, если изнугаются киргизскихъ вошей или выстрѣловъ. — Въ суетѣ и заботѣ я не видалъ, что дѣлали въ это время Молчановъ и поручикъ, только слышала ихъ проклятія и громкіе крики.

Наконецъ, приготовившись такимъ образомъ къ оборонѣ, мы сдѣ-

ладились спокойны и увѣщевали другъ друга не суетиться и не прашить даромъ зарядовъ.

Между тѣмъ толпа непріятелей на двѣой сторонѣ остановилась въ нѣсколькихъ сажняхъ отъ нашего спана. Мы видѣли, какъ Ордынцы снимали съ себя лишнее платье, чиня бы легче сидѣть на коняхъ. Нельзя было безъ некотораго тайнаго удовольствія смотрѣть на сихъ ловкихъ всадниковъ, когда они на длинныхъ и спальныхъ армагакахъ своихъ, пригнувшись къ луку, легкою рысью переѣзжали широкое поле. Каждый изъ нихъ былъ вооруженъ коньемъ необычайной длины; многіе сверхъ того имѣли лукъ и стрѣлы, съкрыты или *ай-балты* (*), сабли и даже

(*) *Ай балта* — шопоръ изъ длинныхъ шопоридъ.

ружья, съ длинными ражками и вмѣсто замковъ финилями.

Некопная часть Киргизцевъ спустилась въ оврагъ при его вершинѣ, такъ что намъ были видны только ихъ бѣлые козлаки и концы коней. Это были, кажется, ихъ *вагенбурги*, съ заводными лошадьми и съ разными шажескими. Другіе, раздѣлая на малыя паршіи, издали развѣзали вокругъ насъ, какъ бы выматривая мѣстоположеніе. Наконецъ всѣ пришолны (кромя *вагенбурга*) сдѣлались въ одну и сдѣлали на скатѣ равнины, прямо противъ открытой стороны нашего снага, въ шрехъ или чешырехъ снахъ саженьяхъ ошъ онаго, — и съ полчаса стояли на одномъ мѣстѣ, вѣроятно, совѣщаясь между собою.

Мы, съ своей стороны, размѣстившись позади укрѣпленій, взвели кур-

ки и спокойно ожидали первого нападения.

Вы, можете быть, улыбаетесь, находя в моемъ разсказѣ о киргизскомъ набѣгѣ важность и подробности, различные происшествіямъ знаменитымъ; но, друзья мои! гдѣ дѣло идетъ о жизни и смерти, намъ легкомысленная шушка не имѣетъ ни сколько мѣста; и умеренъ онъ князю убійцы, по моему мнѣнію, еще ужаснѣе, нежели онъ мечу воина или онъ ядра непріятельской батареи.

Но вошъ толпа Ордынцевъ выплнула въ длинный строй.... еще минуша — раздались дикіе крики, поднялось облако пыли, дрогнула земля — и строй бросился на насъ, какъ свирѣпыхъ собакъ на одинокаго пуделя!... Съ нашей стороны грянули ружья — и Киргизцы ли утратили ту неукротимую храбрость,

кошорая опшлчала предковъ ихъ подь знаменами Башыевъ и Тахшамышей, или мы вспрѣшили ихъ съ необыкновенною смѣлосшію — шолько выспрѣлы наши удержали буйное спремленіе коней ордынскихъ; но пули уже до нихъ долешали. Вошъ зажужжала одна — и огромная сѣрая лошадь присѣла опъ раны подь своимъ всадникомъ; вошъ другая влѣпилась въ Ордынца: мы слышали самый шелесъ удара! Сспрой заколебался, разсыпался — и опспупись. Мы вздохнули вольнѣе.

Скоро они выспроились снова, напали на насъ по прежнему, и какъ прежде, не успояли подь мѣшкимъ огнемъ нашихъ ружей.

Такая робосъ враговъ ободрила насъ еще болѣе. Я даже имѣлъ любопытсшво посмошрѣшь вокругъ себя на каршину нашего воинспвеннаго

табора. Большая часть работников, вооружась бывшими у них фузеями, усердно стрѣляла на ряду съ Козаками; но два или три добрые человека предпочли мирное положеніе подъ шелегами опасной храбрости защищаться. Братъ мой, не имѣя оружія, кромѣ козачьей пикн, стоялъ, опершись на нее, посреди табора. Поручикъ, съ длиннымъ писноломъ въ рукѣ, — съ писноломъ, у конюхаго, какъ послѣ оказалось, не было кремня — шумѣлъ, командовалъ, не смотря на то, что его вовсе не слушали. Моминъ, въ буйной запальчивости, не хотѣлъ оставаться подъ защитною возовъ. Онъ безпрестанно ругалъ Киргизцевъ, съ оспервененіемъ двороваго пса, дающаго на вора — и вѣчески старался подкраснѣть на ружейный выстрѣлъ къ шѣмъ изъ нихъ, конюхы, онѣдѣ-

лась опть общей толпы, развѣзжали
 позади ямы и въ глубинѣ оврага. Не-
 которые молодые Козаки и работ-
 ники послѣдовали его примѣру. Одинъ
 изъ нихъ такъ перепугалъ киргиз-
 скаго батыря, неосмотрожно высу-
 нувшаго свой козпакъ изъ-за неболь-
 шаго пригорка, что тотъ, желая
 избѣгнуть выстрѣла, поворошилъ ло-
 шадь свою, какъ говоринися, на двухъ
 заднихъ ногахъ — и стремглавъ поле-
 тѣлъ внизъ, вмѣстѣ съ нею. Но не
 прошло секунды, какъ мы увидѣли
 его преспокойно ѣдущимъ на той же
 лошади, съ концемъ передомившейся
 при паденіи пикн; и должно при-
 знаться, что въ такихъ случаяхъ
 Киргизцы очень похожи на пробоч-
 нныя куклы, которыми играютъ дѣти:
 какъ ихъ ни кинь, они все-таки
 очутиятся на ногахъ!

Послѣ шрепьяго нападенія, подобнаго первымъ, Киргизцы, казалось, опчаялись одержавъ надъ нами побѣду. Впрочемъ у нихъ явилась новость: знамя, или проспо, пешрый бумажный плашокъ, привѣщенный къ пикѣ. Мошнинъ, всегда гошовый на шушки, назвалъ киргизскаго знаменщика *портупей-прапорщикомъ* — и я не могъ не улыбнуться, слыша крикъ его: «*въ портупей-прапорщика стрѣляйте!*» сопровождаемый язвительными насмѣшками.

Но опасность еще не миновалась. Къ ногамъ моимъ упала сгрѣла, а въ слѣдъ за нею — другая. Замѣшивъ эшо нечаянно, я осмошрѣлся и увидѣлъ еще нѣсколько сгрѣлъ, вонзенныхъ въ землю вокругъ меня. Къ счастью никто не былъ ими раненъ, и онѣ возбудили только ярость въ моихъ шоварищахъ.

Въ это время онѣ толпы Киргизцевъ опѣдѣлось нѣсколько человекъ, которые, приблизясь къ намъ, далѣе однако жъ ружейнаго выстрѣла, по-требовали переговоровъ. Мы отвѣчали, что намъ нѣтъ нужды заключать условія съ разбойниками. Не смотря на то, одинъ изъ нихъ, въ-роятно какой нибудь ещеннѣй Цицеронъ, хотѣлъ доказать намъ, что они не разбойники, что паѣхали на насъ печально, опыскивая пошерянныхъ лошадей, что имъ пріятно будетъ разсѣпаться съ нами дружески — и въ заключеніе, увѣщевалъ положить ружья и выйти къ киргизской шайкѣ, для взаимныхъ совѣщаній, угрожая въ противномъ случаѣ гнѣвомъ и мщеніемъ *батырей*. Все это, разумѣется, говорено было на языкѣ киргизскомъ, который многіе изъ насъ хорошо понимали. Поли-

тика и хипросень переговорщика, который предполагалъ въ насъ не болѣе разсудка, какъ въ маленькихъ дѣтияхъ, до крайности казались забавными. Ораноръ нашей стороны, Мошинъ, ошлѣчалъ ему на длинную рѣчь жестокою бранью; потомъ, показывая видъ, что соглашается на его предложеніе, онъ спрянулъ ружье за спину и тихонько началъ подходить къ почтенному краснобаю, съ намѣреніемъ дать ему *последнее утѣшаніе* — *ultima ratio Мошина*. Однако жь Ордынецъ, замѣнивъ хипросень, пустился, какъ изъ лука стрѣла, къ своей шайкѣ.

Вскорѣ послѣ того нѣсколько самыхъ бойкихъ пѣздниковъ, отдѣляясь отъ толпы, и какъ бы упрекая своихъ товарищей въ малодушіи, начали потихоньку приближаться къ нашему табору. Можно было догадаться,

что они хотѣли напасть на насъ
 быстро и неожиданно, такъ, что бы
 мы принуждены были бросить ружья,
 не сдѣлавъ по нимъ болѣе одного вы-
 стрѣла. Впереди всѣхъ ѣхалъ видный
 юноша. Онъ гордо приподнимался на
 сѣдлѣ и въ одной рукѣ держалъ длин-
 ное копьё, а въ другой увѣсенную
ай-балту. Уже, по видимому, онъ
 былъ готовъ, показывая путь пова-
 рищамъ, кинуться на нашъ наборъ,
 какъ въ то же самое мгновеніе Ко-
 закъ Колесниковъ нацѣлилъ на него
 длинное ружье свое.... выстрѣлъ
 раздался, пуля зажужжала — и Орды-
 нецъ тихо повалился съ коня....
 Наши съ радостнымъ крикомъ кину-
 лись впередъ.... Загремѣли ружья,
 Киргизцы смутнились — и обратили
 намъ спина! Прогнавъ обыкновенія,
 они не успѣли даже взять съ собою
 падшаго своего предводителя, ко-

пораго Мошнинъ поднащилъ за ногу къ шабору. Убишый Киргизецъ былъ молодъ, красивъ и дородень. Пуля прошла у него сквозь обѣ щеки, ниже висковъ. Козаки, по старой привычкѣ, не замедлили оборвать его до-нага, и примѣтивъ въ немъ нѣкоторые признаки жизни, изъ сожалѣнія къ его страданіямъ, или вѣрояніе по злобному чувству вражды, постыжили добнѣ несчастнаго собственною его скирою.

Погибель поварища, а можетъ быть и самого начальника шайки, казалось, поразила ужасомъ всѣхъ Ордынцевъ. Еще нѣсколько времени одинъ изъ нихъ стояли въ молчаніи противъ нашего шабора, другіе ѣздили вокругъ него, осыпая насъ бранью, проклятіями и угрозами; но скоро все, толпа за полною, обхвативъ оврагъ и яму, пошинуясь внизъ

по ищению рѣчки, такъ что въ ея впадинѣ мы видѣли одинъ только лѣсъ коней — и наконецъ ничего уже болѣе не видали.

Радость, объявляя насъ при отъѣздѣ Киргизцевъ, была радость людей, избѣгнувшихъ бѣдственной смерти. Козаки — и всѣ вмѣстѣ съ ними — славя на колѣни, громко возблагодарили Всевышняго за свое чудное избавленіе. Никогда я самъ не бывалъ набожнѣе, не молился усерднѣе.

Послѣ молитвы, я и нѣконорые изъ Козаковъ взвѣзжали на возвышенія и объѣхали пустую окрестность, чиня наблюданія за удалившимися Киргизцами. Коварство ихъ было намъ довольно извѣстно: они могли скрыться въ засадѣ и выжиданіи другаго удобнаго случая къ нападенію. Впрочемъ, не успѣвъ еще оглядѣться, мы вовсе потеряли ихъ

изъ виду; а тамъ, гдѣ они были, нашли только слѣды конскихъ копытъ, двухъ убитыхъ лошадей, да нѣсколько сырѣя.

Бѣда миновалась; но бывъ ею напуганы и справедливо опасаясь новыхъ нападеній, мы должны были рѣшиться, чино безопасности: провести ли намъ ночь на мѣстѣ, гдѣ находились, пуститься ли въ путь далѣе по назначенному направленію, или обратиться къ Уралу, гдѣ ожидала насъ совершенная безопасность и до котораго, какъ намъ казалось, могли мы достигнуть прежде наступленія ночи? Последнее мнѣніе было принято большинствомъ голосовъ на нашемъ маленькомъ совѣтѣ.

И такъ, бросивъ на мѣстѣ мерзваго Киргизца и множество кольевъ, какъ шажестъ, уже для насъ безо-

лезную; устроивъ изъ шелегъ родъ подвижнаго укрѣпленія или *каре*; отдѣливъ по два человека для авангарда и аррьергарда, а прочихъ свернувъ въ колонну, съ гошовыми на всякой случай ружьями и коньями, двинулись мы (за помощію *Божію*, сказала бы князь Курбскій) въ походъ — и не встрѣтивъ непріятелей, достигли вечеромъ до небольшого полуострова, образуемаго теченіемъ рѣчки, гдѣ разсудили за благо провести ночь. Здѣсь мы съ большимъ наслажденіемъ утопили свой голодъ, не ѣвъ почти цѣлый день; отсюда жъ послалъ я двухъ Козаковъ (иѣхъ самыхъ, которые спускали) на Уралъ, съ извѣщеніемъ о появленіи Киргизцевъ вблизи линіи.

Никогда не забуду я ночи, проведенной мною въ семь мѣсѣвъ. Опасаясь новаго нападенія Ордынцевъ, я

не смыкалаъ глазъ — и до самаго разсвѣта сидѣла передъ шалющимъ огонькомъ, разговаривая, подобно Оссиану, съ безмолвными мраками и наблюдая за разсѣявленными вокругъ нашего табора часовыми. Тутъ получилъ я нѣкоторое понятіе о жизни ратника въ бурное военное время.

Говорить ли о томъ, какъ мы на другой день благополучно достигли Урала, какъ встрѣтились съ компаніею Козаковъ, высланныхъ по распоряженію Г. Оренбургскаго Военнаго Губернатора для преслѣдованія Киргизцевъ; какъ, наконецъ, сдѣлавъ большой крюкъ, прибыли въ Илецкую заштиту? — Все это имало не отношенія къ моему анекдоту; а потому, имѣя полное право написать здѣсь: *конецъ*, я прощу васъ, друзья, принять сіе описаніе пер-

выхъ и вѣроятно послѣднихъ ратныхъ подвиговъ вашего друга съ благосклонною улыбкой — и если вы найдете оное не советѣмъ достойнымъ вниманія, то вините голую истину, которая водила перомъ моимъ.

А. Крюковъ.

